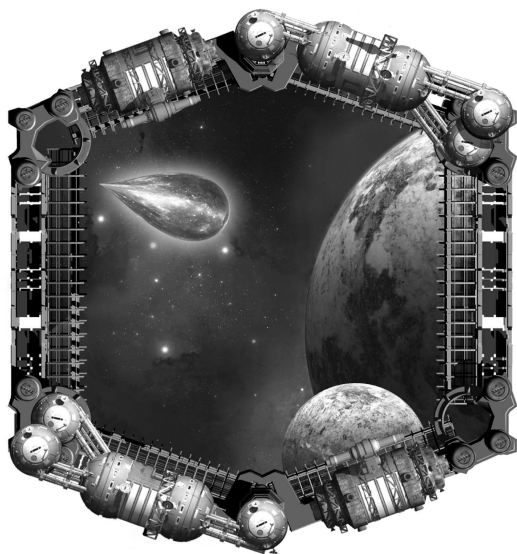

fan_zon

Воспоминания
о прошлом Земли:
ЗАДАЧА ТРЕХ ТЕЛ
ТЕМНЫЙ ЛЕС
ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ СМЕРТИ

Лю Цысинь

ТЕМНЫЙ ЛЕС

fanzon
МОСКВА 2021

УДК 821.581-312.9
ББК 84(5Кит)-44
Л93

黑暗森林
刘慈欣

© 2008 by 刘慈欣 (Liu Cixin)

© FT Culture (Beijing) Co., Ltd.

All Rights Reserved

Разработка серии *Андрея Саукова, Николая Плутахина*

Иллюстрации на обложке и в тексте
Николая Плутахина

Лю Цысинь.

Л93 Темный лес / Лю Цысинь ; [пер. с англ. Д. Накамуры]. —
Москва : Эксмо, 2021. — 640 с. — (Sci-Fi Universe).

ISBN 978-5-04-090294-1

Трисолярианский кризис продолжается. У землян есть 400 лет, чтобы предотвратить инопланетное вторжение. Но угроза полного уничтожения, вопреки ожиданиям, не объединяет человечество. Сверхдержавы отстаивают свои интересы, космические флоты, становясь независимой политической силой, вовсе теряют связь с Землей. Тотальный контроль над научно-техническими разработками со стороны чужой цивилизации, во много раз превосходящей нашу в развитии, не оставляет людям шанса на победу. Исход войны решат проекты «Отвернувшихся» — лучших мыслителей планеты.

Продолжение трилогии «В память о прошлом Земли» самого популярного китайского писателя Лю Цысиня удостоилось положительных отзывов критиков и вошло в рейтинги лучших НФ-романов последних лет.

УДК 821.581-312.9
ББК 84(5Кит)-44

ISBN 978-5-04-090294-1

© Д. Накамура, перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Предисловие переводчика на русский язык

Как и первая книга трилогии, этот роман переведен на русский с издания на английском. Когда работавшие над книгой сомневались в точности английского перевода, на помощь приходил Альберт Крисской — специалист-китаевед, свободно читающий по-китайски, человек, помогавший нам в работе над всей трилогией. С его помощью удалось восстановить важный фрагмент текста оригинала, опущенный в английском переводе, и исправить несколько ошибок.

В романе довольно много научно-технической терминологии. Для удобства читателей специальные термины поясняются сносками. В тексте упоминаются и различные события китайской истории, от сотворения мира (миф о Пань-гу) до наших дней. Они также разъясняются в сносках и в ссылках на ресурсы Интернета. Некоторые сноски принадлежат переводчику с китайского на английский, Джоэлу Мартинсену. Они помечены как «прим. Дж. М.». Остальные принадлежат переводчику на русский язык.

Перевод этого романа был бы невозможен без помощи и поддержки со стороны Ольги Глушковой, Андрея Сергеева и Аэлиты Тимошенко. На их долю пришлось больше половины работы. Очень помогли советы хорошо знающего Китай Альберта Крисского.

Всем большое спасибо!

Дмитрий Накамура

Действующие лица

Организации

ОЗТ, Общество «Земля — Трисолярис»

СОП, Совет обороны планеты

ККФ, Конгресс космических флотов

Люди

В китайских именах первой идет фамилия

Ло Цзи, астроном и социолог

Е Вэньцзе, астрофизик

Майк Эванс, финансист и фактический руководитель
ОЗТ

У Юэ, капитан ВМФ Китая

Чжан Бэйхай, политкомиссар ВМФ Китая, офицер кос-
мических сил

Чан Вэйсы, генерал армии Китая, командующий косми-
ческими силами

Джордж Фицрой, генерал армии США, координатор
Совета обороны планеты, военный советник проекта
«Хаббл II»

Альберт Ринье, астроном, работающий с «Хабблом II»

Чжан Юаньчао, недавно вышедший на пенсию рабочий химического завода в Пекине
Ян Цзиньвэнь, вышедший на пенсию пекинский школьный учитель
Мяо Фуцюань, владелец угольных шахт в провинции Шаньси, сосед Чжана и Яна
Ши Цян, сотрудник отдела безопасности СОП по прозвищу Да Ши
Ши Сяомин, сын Ши Цяна
Кент, сотрудник ООН по связи с СОП
Сэй, Генеральный секретарь ООН
Фредерик Тайлер, бывший министр обороны США
Мануэль Рей Диас, бывший президент Венесуэлы
Билл Хайнс, британский нейрофизиолог, бывший президент Евросоюза
Кейко Ямасуки, нейрофизиолог, жена Хайнса
Гаранин, действующий председатель СОП
Дин И, физик-теоретик
Чжуан Янь, выпускница Центральной академии изящных искусств
Бен Джонатан, особый уполномоченный Конгресса космических флотов
Дунфан Яньсюй, капитан корабля «Естественный отбор»
Майор Сицзы, офицер-исследователь корабля «Квант»

Пролог

Маленький коричневый муравей уже позабыл о своем доме. Для погружающейся в сумрак земли, для звезд, возникающих в небе, прошло совсем немного времени — но для муравья пронеслись тысячелетия. Когда-то очень давно его мир перевернули вверх тормашками. Почва вдруг взмыла в небо, оставив вместо себя широкую и глубокую пропасть, а затем вновь обрушилась, заполняя ее. На краю перекопанной земли возвышалось одинокое черное образование. Такое часто случалось в этом огромном мире: почва исчезала и возвращалась; пропасти возникали и засыпались; вырастали каменные монолиты — как видимые свидетельства катастрофических перемен. Под лучами заходящего солнца муравей и сотни его соплеменников унесли выжившую царицу, чтобы основать новую империю. Сюда, на старое место, он забрел случайно: в поисках пищи.

Муравей подобрался к подножию монолита, ощущая антеннами его давящее присутствие. Поверхность была твердой и скользкой, но все же по ней можно было взобраться. Муравей пополз вверх, движимый не какой-то определенной целью, а лишь случайными процессами в его несложной нейронной сети. Такие процессы шли везде: в каждой травинке, в каждой капле росы на листе, в каждом облаке в небе и в каждой звезде. У этого беспорядочного движения

атомов не было никакой цели; потребовалось целое море случайного шума, чтобы цель зародилась.

Муравей почувствовал дрожание земли; оно усиливалось, и муравей понял, что приближается какое-то гигантское существо. Он продолжил подъем, не обращая на это внимания. Подножие монолита затягивала паутина. Муравей был настороже. Он осторожно обогнул висящие липкие волокна и прошел мимо паука, который замер в ожидании, положив лапы на паутинки, чтобы вовремя почувствовать добычу. Оба знали о присутствии друг друга, но не общались — и так неизменно в течение тысячелетий.

Дрожь дошла до максимума и прекратилась. Гигант остановился возле каменного образования. Намного выше муравья, он закрывал собой большую часть неба. Муравей был знаком с подобными существами. Он знал, что они живые, часто бывают в этой местности и их действия тесно связаны с пропастями и каменными глыбами.

Муравей продолжал подъем, зная, что за редким исключением существа не представляли опасности. Далеко внизу паук как раз столкнулся с одним таким исключением, когда существо, по-видимому, заметило его паутину, растянутую между каменным образованием и землей. Существо держало в одной руке букет; стеблями цветов оно смахнуло в бурьян и паука, и его паутину. Затем существо аккуратно положило букет перед монолитом.

После этого новая вибрация земли, слабая, но усиливающаяся, поведала муравью, что второе живое существо, подобное первому, приближается к каменному образованию. В этот момент муравей обнаружил длинное углубление в поверхности камня — почти белое, с более грубой поверхностью. Муравей повернул туда, чтобы было легче ползти. Оба конца углубления оканчивались канавками покороче и потоньше; из горизонтального основания шла главная колея, а верхняя ка-

навка отходила под углом. Когда муравей добрался до гладкой черной поверхности, он понял форму этих углублений:

1

Рост существа перед монолитом внезапно вдвое уменьшился, сравнившись с высотой каменного объекта. Повидимому, оно встало на колени. Показался клочок темно-синего неба с разгорающимися звездами. Глаза существа обратились к вершине камня; муравей застыл на мгновение, раздумывая, появляться ли в поле его зрения. Решил, что не стоит, и повернул параллельно земле. Быстро достиг следующего углубления и замедлил ход, наслаждаясь путешествием. Цвет этой канавки напомнил ему о цвете яиц, окружавших царицу семьи. Без колебаний муравей пополз по этому углублению вниз. Через некоторое время выяснилось, что путь изгибается более сложным образом, образуя кривую под окружностью. Это напомнило муравью о том, как он искал дорогу домой по запаху. В его мозгу отложилась фигура:

9

Существо, стоящее на коленях перед монолитом, издало набор звуков, которые муравей был неспособен понять:

— Какое счастье быть живым... Если не понимать этого, то как же можно задумываться о чем-то более сложном?

Существо издало еще один звук, подобный шелесту ветра в траве — вздох, и встало с колен.

Муравей продолжал ползти параллельно земле и обнаружил третье углубление. Оно было почти вертикальным, пока не повернуло вот так:

7

Эта фигура муравью не понравилась. Крутой, неожиданный поворот зачастую предвещает опасность или сражение.

Голос первого существа заглушил дрожь земли. Муравей только сейчас понял, что второе существо уже стоит возле каменного объекта. Оно было невысоким и более хрупким, с седыми волосами, которые развевались на ветру и поблескивали серебром на темно-синем фоне неба.

Первое существо обернулось и поприветствовало второе:

— Доктор Е, не так ли?

— А вы... Сяо¹ Ло?

— Ло Цзи. Я учился в школе с Ян Дун. Почему вы... здесь?

— Тут спокойно и легко добраться на автобусе. В последнее время я довольно часто прихожу сюда погулять.

— Примите мои соболезнования, доктор Е.

— Прошлого не вернотишь...

В самом низу монолита муравей хотел повернуть вверх, но обнаружил впереди другую канавку, точно такую же, как «9», по которой он добрался до «7». Муравей продолжил свой путь горизонтально, через «9», которая ему понравилась больше, чем «7» и «1», хотя он и не мог точно сказать почему. Его чувство прекрасного было весьма примитивно. Проползая через «9», он ощущал невятное удовольствие — некое одноклеточное счастье. Чувства эстетики и удовольствия у муравьев не развиваются с течением времени — какими они были сто миллионов лет назад, такими же останутся и еще через сто миллионов лет.

— Сяо Ло, Дундун часто упоминала вас. Она говорила, что вы занимаетесь... астрономией?

— Это было давно. Теперь я преподаю социологию в колледже. В вашем, кстати, хоть вы уже отошли от дел, когда я приступил к работе.

— Социология? Это крутая перемена.

¹ Сяо — это уменьшительное обращение, означающее *маленький* или *юный*. Используется перед фамилией, когда обращаются к детям или взрослым, которым хотят показать свое расположение. (Прим. перев.)

— Пожалуй. Ян Дун всегда утверждала, что я не создан для работы над чем-то одним.

— Она не шутила, когда говорила, что вы умны.

— Я всего лишь способный. До уровня вашей дочери недотягиваю. Просто я почувствовал, что астрономия — наука тяжелая, неподатливая, как слиток металла. Социология же как деревяшка; где-нибудь всегда найдется слабое место, чтобы проковырять для себя дырку. Работать в области социологии легче.

В надежде найти еще одно «9» муравей продолжал ползти горизонтально. Однако следующая канавка, которую он нашел, была простой линией, такой же, как и самая первая, только длиннее, чем «1», лежала на боку и не имела маленьких канавок на концах:

—

— Не говорите так о себе. Это жизнь обычных людей. Не всем дано быть такими, как Дундун.

— Но я и вправду неамбициозен. Плыву себе по течению...

— Тогда я могу кое-что предложить. Почему бы вам не изучать космическую социологию?

— Космическую социологию?

— Это случайно пришедшее в голову название. Предположим, что во Вселенной имеется множество цивилизаций. Столько же, сколько и звезд. Очень много. Из этих цивилизаций состоит космическое общество. Космическая социология — это наука о природе такого сверхобщества.

Муравей уполз не далеко. Он надеялся, что, выбравшись из «—», найдет приятную взору «9». Но вместо того обнаружил «2» — с приятной кривой, оканчивающейся, однако, столь же пугающим, сулящим неопределенное будущее острым углом, как и «7». Муравей пополз дальше, к следующей канавке, которая оказалась замкнутым кольцом: «0». Эта фигура была частью «9», но представляла собой ловушку. Жизнь нуждается не только в гладком пути, но и в на-

правлении — нельзя постоянно возвращаться к исходной точке. Это муравей понимал. Впереди были еще два углубления, но муравей потерял интерес. Он вновь устремился наверх.

— Но... мы пока знаем только об одной цивилизации — нашей собственной.

— Вот поэтому никто еще такой науки не придумал. Это ваш шанс.

— Очень интересно, доктор Е. Продолжайте, пожалуйста.

— Я полагаю, что эта наука может объединить обе ваши специальности. Математическая структура космической социологии проще, чем человеческой.

— Почему вы так думаете?

Е Вэньцзе указала на небо. На западе догорали последние лучи заката. Звезд было так немного, что их все можно было пересчитать по пальцам. Нетрудно было вспомнить, как выглядел мир лишь мгновение назад: бескрайний простор, а над ним — голубая пустота, лицо без зрачков, как у мраморной статуи. Зато теперь, хоть звезд светилося всего ничего, в гигантских глазах загорелись зрачки. Пустота заполнилась, и Вселенная стала зрячей. Звезды были маленькими серебристыми точками, которые намекали на какое-то беспокойство их создателя. Космический скульптор чувствовал необходимость разбросать зрачки по Вселенной, но в то же время ужасно боялся дать ей зрение. Маленькие звездочки, рассеянные по огромному пространству, были компромиссом между желанием и страхом — но прежде всего проявлением осторожности.

— Вы видите, что звезды — это точки? Хаос и случай влияют на устройство любого цивилизованного общества во Вселенной. Но дистанция размывает их влияние. Поэтому такие удаленные цивилизации можно рассматривать как точки отсчета, к которым относительно несложно применить математические методы анализа.

— Но ведь в вашей космической социологии нечего изучать, доктор Е. Ни опросы, ни эксперименты невозможны.

— Разумеется, результат ваших исследований будет чисто теоретическим. Начните с нескольких простых аксиом, как в евклидовой геометрии, а затем выведите из них всю теорию.

— Весьма любопытно. Но какими, по вашему мнению, могли бы быть такие аксиомы?

— Аксиома первая: выживание является основной потребностью цивилизации. Аксиома вторая: цивилизация непрерывно растет и расширяется, но объем вещества во Вселенной остается неизменным.

Муравей прополз немного и заметил, что наверху есть еще много углублений, образующих сложный лабиринт. Муравей мог ощущать форму и был уверен в своей способности разобраться с ними. Но из-за ограниченной памяти он был вынужден забыть те фигуры, через которые прополз раньше. Он не сожалел, что забыл «9»: потеря знаний была частью его жизни. Ему нужно было постоянно хранить лишь несколько воспоминаний; они были закодированы в его генах, в той области памяти, которую мы называем инстинктом.

Очистив память, муравей заполз в лабиринт. Сделав несколько поворотов, он своим нехитрым разумом определил еще одну фигуру: китайский иероглиф «му», означающий «могила» — хотя муравей не знал ни иероглифа, ни его смысла. Выше находился еще один набор углублений, на этот раз попроще. Но, чтобы продолжить исследования, муравей был вынужден забыть «му». Он попал в великолепную канавку, своей формой напомнившую ему брюшко мертвого кузнечика, которого он не так давно нашел. Канавка вскоре приняла форму иероглифа «чжи» — притяжательного местоимения. Выше муравей нашел еще две бороздки. Первая, в форме двух каплевидных углублений и брюшка кузнечика, являлась иероглифом «дун», который означал «зима». Верхняя бороздка состояла из двух частей;